

Департамент образования и молодежной политики ХМАО-Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

МАНСИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия

для учащихся 7 класса
общеобразовательных учреждений

Часть 1

Ханты-Мансийск
2015

УДК 821.511.143
ББК 83.3 Манс
М23

Рецензент:

Динисламова С. С. – кандидат филологических наук

М23 Мансийская литература: хрестоматия для учащихся 7 класса общеобразовательных учреждений. Часть 1 / Авт.-сост. Л. Н. Панченко ; под ред. Е. В. Косинцевой ; Деп. образования и молодёжной политики ХМАО-Югры., Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2015. – 90 с.

ISBN 978-5-9907303-4-2

В хрестоматии представлены народный фольклор и произведения мансийских поэтов и прозаиков, рекомендованные для изучения в 7 классе общеобразовательной школы. Главная цель хрестоматии – обогатить читательский опыт учеников, расширить круг их чтения. Предназначена для работ на уроках мансийской литературы и для самостоятельного чтения учащимися.

В первую часть включены произведения Ю. Н. Шесталова, А. С. Тарханова, С. С. Динисламовой, М. К. Анисимковой.

УДК 821.511.143
ББК 83.3 Манс

*Рекомендовано к печати Учебно-методической комиссией
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

ISBN 978-5-9907303-4-2

© Панченко Л. Н., автор-составитель, 2015
© БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок», 2015
© Оформление. ООО «Югорский формат», 2015

ШЕСТАЛОВ ЮВАН НИКОЛАЕВИЧ

Не шумите, не пляшите!
У огня – глаза и уши.
Говорили предки манси:
Пламень слышит и глядит.
Если глаз ему проткнёте –
Он ослепнет, он погаснет,
Если уши прожужжите –
Он не вспыхнет, зашипит.
Погодите, не шумите!
Дров у нас в запасе много.
Разбегутся все медведи,
Скажут: экая жара!
Но найдёт к костру дорогу
Путник из таёжной чащи,
В котелке рыбак наварит
Золотой ухи дымящей,
И свои кисы просушат
Звероловы у костра!
Нужно вам согреть кого-то –
Приводите, я согрею,
Если что спалить вам нужно –
Приносите, я сожгу.
Не дивитесь, что на льду,
На снегу костёр затеял.
Не мешайте, не кричите –
Я таёжник, я смогу.

Старый пёс

На снегу пылает солнце.
В небе синь без края.
Белка резвая на ветках в серебре играет.
Белка скачет, звёздный иней
Сыплет в глушь лесную.
А под сосенкой кудрявой
Старый пёс тоскует.
Старый Ханси кружит с лаем,
Ствол кусает, крошит:
Ждёт, когда придёт хозяин,
Друг его хороший.
Целый день напрасно лает,
Кличет на охоту
Погрузился лес унылый
В зимнюю дремоту.
Пёс не знает: почему же
Друг к нему не вышел,
Почему хозяин чуткий
Зова не услышал?
Облетает звёздный иней
С молчаливых сосен,
Запахом зверька живого
Нос щекочет пёсий.
Хочет пёс, чтоб трепетала
Белка в чёрных лапах,
Хочет он вдохнуть седого
Дыма горький запах.

Всё играет белка, скачет
В искристой вышине,
Всё дрожит и гнётся ветка
И слетает иней.
Неужель он сердце друга
Разучилась трогать?
Неужель его охоты
Пройдена дорога?

Медвежье слово о журавле

В тех краях, где про морозы
Знают лишь от птиц залётных,
Где теплее тела грозы,
И земля добром лучится,
Там журавушка гнездилась,
Жизнь как счастье принимая
И того же всем желая
В мире нет добрее птицы.
Только вдруг, как наважденье,
Овладела ею дума,
Всё упорней, чаще – дума
Край увидеть незнакомый,
Полететь на север дальний,
Ветра снежного напиться
И с народом породниться,
Что считает Север домом.
И на мужественных крыльях
Облаков, летящих с юга,
С изобильнейшего Юга

Улетела эта птица
В ту страну, где, по рассказам,
Холод с мужеством – на равных,
И народ суровый, славный
К лёгкой жизни не стремится,
Где и доброта сурова,
Быт суров, суровы лица.
Словно честь, там ценят слово.
Как тепло, там честь хранится.
Долог путь – и вот открылся
Край озёр с водою чистой,
Трав, цветов ковёр пушистый,
Уходящий в бесконечность.
Привлекали и манили
Разноцветье ярких точек,
Влажная упругость почек,
Вод весенних быстротечность.
Вот он – Север, край бескрайний.
Север – край Земли великой,
Север – край воды великой,
Что истоком жизни стала.
Пусть прохладны эти воды,
Пусть суровы эти воды,
Ликование свободы,
Счастье –
Здесь берут начало.
И журавушка спустилась
На озёрный сочный берег,
До конца ещё не веря,

Что уже достигла цели.
Ах, как крылья притомились
В изнурительной дороге!
Непослушны даже ноги –
Так они заковались.
Но потерянные силы
Быстро телу возвращались.
Изумление сменило
Уходящую усталость.
Как природа здесь отважна!
Травам, небу – нет предела!
Как Великой Жизни жажда
Здесь природою владела!
И пронзило журавлиху
Неожиданною думой,
Золотою женской думой,
Думой властной и влекущей:
«Почему бы мне, южанке,
Не взрастить детей на славу
Здесь, где мхи растут и травы,
И где жизнь строга к живущим?
Жаркий край благоуханный
Вскормит всех и обогреет –
Там любой прожить сумеет,
И поэтому не странно,
Что не в мужестве, а в лени
Нас растит благополучье,
Беззаботно наше пенье –
Слову твёрдому не учит.

Там, где жизнь легко даётся,
Стойкость духа мало читится.
В неге вскормленные птицы
Не удержат грудью ветер.
Но совсем другое дело –
Если север их взлелеет:
И смелее, и сильнее,
И достойней будут дети».
Вот, природы внемля зову,
Журавлиха место ищет,
Место близ воды и пищи,
Среди трав густых и сочных.
Вьёт гнездо – тепло и мягко!
И кладёт яицек много:
Три, четыре – очень много,
Как само железо, прочных.
И птенцов из них выводит
Не железных – настоящих,
Добрых, смело в жизнь глядящих.
«Вот кто сможет встретить грозы!
Их душа – приволье тундры,
Необъятное, как небо,
Пух на них – белее снега,
Мужество – сродни морозу».
Так мечтала журавлиха,
На малышек нежно глядя,
Жизни их и счастья ради
Всю себя отдать готова.
И казалось, что природа

Мыслям тем не возражала,
Пищей и теплом снабжала
Поселенцев тундры новых.
Но была недолгой радость,
Как недолго в тундре лето.
С каждым днём тепла и света
Меньше солнце испускало.
Вот уже на жухлых травах
Росы льдинками повисли,
Стужа – в тело, стужа – в мысли
Всё тревожней проникала.
«Что же делать мне, южанке?
Дни ненастные настали.
Долго выдержу едва ли –
Сердце стало холодеть.
Улечу – птенцы погибнут,
Не взлететь им – слишком малы.
Разве матери пристало
Оставлять детей в беде?!»
Отвечали маме дети –
Журавлиху изумило,
Сколько мужества и силы
Прозвучало в их ответе:
«Ты за нас не бойся, мама,
Улетай! Мы не погибнем.
Мы из снега дом воздвигнем –
Будет тёплым снежный дом.
Рождены мы здесь не даром –
Мы упорны, мы живучи,

Из мороза, ветра, тучи
Мы тепло себе возьмём».
На прощанье журавлиха
Так своим сказала детям:
«Пусть вам крылья вскормит ветер,
Твердость вам мороз отдаст!
Силу Севера возьмите,
Гордость Севера – возьмите,
Чистоту снегов – возьмите,
И не сломит Север вас».
Что с птенцами дальше было,
Люди знают от медведя –
Он воспел их путь к победе
В песне доброй и суровой.
Эту песню предки пели:
Пел её мой прадед деду,
Дед – отцу, тот – мне поведал.
Вот та песня, слово в слово.
«Справедливый, сильный, мудрый,
Я иду, Владыка тундры.
По земле Великой тундры
Я, Великий зверь, иду.
Я ищу озёрный берег,
На котором я намерен
Строить зимнее жилище.
Я ищу – и я найду!
В тёмной чаще непролазной,
Скрытой от людского глаза,
На холме, как жизнь, высоком

Я построю тёплый дом.
В этом деле знаю толк я.
На лесной священной холке
Будет мне зимой уютно
В обители моём.
Вдруг я вижу: у болота
На промёрзшей бурой кочке,
Как дрожащие комочки,
Два беспомощных птенца.
Их гнездо разрушил ветер,
И зимой ничто на свете
Не спасёт их, неокрепших
От печального конца.
— Ах, несчастные малютки!
Ваши крылышки не в силах
Унести вас от застылых,
Промерзающих болот.
Посмотрите — у вороны
Нос уж инеем искрится.
Где-то надо вам укрыться —
Ведь зима уже грядёт!
— Да, ты прав, Медведь священный! —
Отвечали журавлята,—
Наши крылья слабоваты,
Далеко не унесут.
Были б мы чуть-чуть постарше,
Чтоб гнездо сложить могли мы —
Пережили б эту зиму.
Ведь другие здесь живут!

Я по речи их недетской,
Рассудительной, спокойной
Понял: Севера достойны
Духом эти малыши.
И тогда себе сказал я:
Ты, могучий, добрый, мудрый!
Если ты – владыка тундры,
То спаси их! Пospеши!
Чтоб в моём жилище новом
Было чисто, мягко, сухо,
Стлал я пол собольим пухом
И заделал крышу мхом.
На лесной священной холке
По-над берегом озёрным
В доме тёплом и просторном
Зиму мы переживём.
Малышей в своё жилище
Нёс я мощными руками
Нёс я нежными руками,
Согревал их на груди.
Оживайте, журавлята!
Ветры, злость свою умерьте!
Позади опасность смерти,
Жизнь большая – впереди.
Нет, не мужеством единым
Зиму мы преодолеем.
Мы теперь ценить умеем
Дружбу, честь и доброту.
Мы стремление к полёту,

А не злость у ветра взяли,
Чистоту у снега взяли,
Поднебесья высоту.
Не жестокость – только твёрдость
Отдал нам мороз трескучий.
Нас искусству жизни учит
Север – наш надёжный дом.
Рады мы помочь друг другу
В испытаниях суровых.
Как тепло, мы ценим слово,
Честь, как крылья, бережём.
Кай-я-ю-их!
Силу крыльев
Мы в победах обрели!
Кай-я-ю-их!
Мы – живые
Обитатели Земли.

Перевёл А. Галембо

Сказка в синий полдень

Синий полдень. Белая река. Звонкое небо.

Синими стрелами летят утки. Белыми лебедями плывут льдины. Высокое небо поёт, лепечет, смеётся, горланит голосами гусей, чаек, куликов, журавлей.

«Хал-хал, тень-тень...» Чья это песня? Неужели гусяная?

«Халэв лах-лах-лах-лах!» – смеётся во весь голос чайка Халева.

Паря над бурлящими берегами.

«Вет-лю! Вет-лю! Вет-лю!...» Это куличок. Тонконогий и невзрачный. А распелся на весь песчаный берег, где всюду бегут, снуют ручьи.

«Кай-вос-юв! Кай-вос-юв!» Утка свиязь. Зовёт свою подругу на весеннюю игру.

Синее свидание. Синяя свадьба. Синяя весна. Синий полдень.

Мне кажется, всё поёт, лепечет, говорит.

Вот высокая лиственница, пристроившаяся каким-то чудом над самым обрывом, вытянув корявые ветви к небу.

Будто что-то нашептывает. Из-под её корней, местами повисших над жёлтым обрывом, брызжет ручеёк, на лету рассыпаясь на сияющие звонкие капли. Точно это чьи-то слёзы.

Если присмотреться к этому крутому обрыву, то можно заметить, что земля движется. То скатится случайно сорвавшаяся песчинка, то глыба целая с шумом летит в пучину бурлящей внизу реки. То весь обрыв приходит в движение, будто с криком выходит из-под земли мамонт.

И я слышу его исповедь:

«Я – мамонт.

Послушайте мою исповедь.

Меня поглотила земля.

И вам той участи не миновать.

Я был велик...

Слыл властителем тайги.
Все передо мной мельтешили.
И рогатые, и безрогие,
И зубастые, и беззубые,
Ершистые и гладкие...
Гневались боги —
Грозились громами.
Ломались молнии.
Шипела молва.
И звери на меня рычали,
Будто у них я отнял кусок.
Великаны затоптать пытались,
Словно я ходить по земле им мешал.
Но не от них погиб я.
Боги лишь грозятся.
Великаны велики лишь на вид.
Меня поглотила
Молчаливая земля.
Ах, если б я знал,
Что в её молчании
Таится не только моя смерть!..»

Смерть? Какая может быть смерть, когда во-
круг всё искрится, звенит, клокочет! Это глупая
сказка. Послушайте лучше, о чём на опушке леса
кукует кукушка:

«Ку-Ку!»

«О чём ты кукуешь?»

«Ку-Ку!»

«Что ты считаешь?»
«Ку-Ку!»
Я говорю вам:
Весна пришла!
Зелёная весна
На землю снизошла!
Ку-Ку! Ку-Ку!
Слышите, оттаял мой голос.
И больше никогда язык мой не примёрзнет!
Ку-Ку! Ку-Ку!
Синий полдень плывёт.
А если ночь наступит —
То белая ночь.
В белой сказке поплывут озёра,
Кедры, цветы, лягушки...
А чёрная ночь,
Промозглая ночь,
Сгинула.
Никогда больше не будет
И холодных годов,
Чёрных веков!
Ку-Ку! Ку-Ку!
Не бойтесь: я не их считаю!
Ку-Ку! Ку-Ку!
Я новым светлым дням
Веду волшебный счёт.
Пусть дни света
Выльются в годы, века!
Лягушки,

Медведи,
Люди,
Слушайте меня!
Я буду куковать.
А вы живите, не бойтесь!
Не считайте
Свои недобрые дни!
Ку-Ку! Ку-Ку!
Хороша весна!...»

Весна-то хороша. Да только она капризна. Прийти бы ей сразу на всю землю да одарить её своим живительным дыханием! Да нет! Если на одном конце земли колдует пробуждение весны, то на другом конце земли царствует осень. А где-то трещит мороз, лютует смерть, ходит голод. Велика земля. Кругла. Ничем её не удивить. Но если до вашего слуха дойдёт крик медвежонка, прислушайтесь! Ведь и у маленьких детей бывают большие открытия. Однажды мне довелось услышать крик такого медвежонка. Выбежав из тёмных зарослей черёмухи, на светлую поляну, черноглазый малыш кричал на весь мир:

«Братцы мои, братцы!
Поосторожнее бегайте!
В черёмушье гриве,
Оказывается,
Есть не только сладость
Черноглазых ягод.

Красногрудый шиповник,
Оказывается,
Колючий...
Ой, какой колючий!...»

А медведь, не выходя из дремучей тени диких
деревьев, бормотал в лад лёгкому шелесту ветра:

«Я иду по черёмушьей гриве.
Меж кустами смородины брожу.
И удивляюсь:
Почему не смотрят
Из-под зелёных листьев
Черноглазые ягоды?»
Неужели на землю милую
Вновь пришёл скупой и голодный день?
Неужели ослабеет пояс мой
И лишь душа останется в желудке?
Почему не уродились ягоды?
Ведь кусты смородины живые.
И черёмуха шелестит листвой.
Видно, кормит их земля, как прежде.
Почему они меня не кормят?
Может быть, солнце не стало щедрым?
Почему оно тогда кружилось,
Как и прежде, ослепляя светом?
Неужели это лишь для вида?
Я не верю!
Но в желудке пусто.
В нём шумит голодная моя душа.

Она кричит и просит сочных ягод,
Отвергая сладость сочных слов.
А для меня важны теперь и сочные слова».

Я – Человек. Перед именем этим быть мне пожизненно в строгом ответе!..

А недавно, в мой последний приезд в родное село, я видел, как братишка мой, озорник и шалун, кормил собаку хлебом. Собака лайка сияющими умными глазами отвергала чёрный хлеб, требуя белого. Братишка мой, шалун и озорник, давал ей тогда кусок душистой ноздреватой булки. Пекарня в селе большая, хлеба много. Разве жалко для такой умной собаки!

А медведь сам виноват. Дурак. Засел в дремучем лесу. Вышел бы к людям. И для него нашёлся бы кусок хлеба...

Но земля большая... Африка, Азия, Америка... Энергетический кризис, неурожаи, безработица, нищета, голод. Неужели права статистика, которая говорит, что на планете Земля и сегодня два человека из трёх живут впроголодь? А собака моего братишки сыта. А на Севере моём золотым оленем скачет солнце счастья. И всё равно меня тревожит бормотание дремучего медведя, в желудке которого шумит голодная душа, отвергающая сладость сочных слов, которые мне по душе. Я – Человек:

«Мой синий полдень,
Сказка золотая,

Выслушай мою
Человечью исповедь.
Иду я по земле.
Ветер надо мной качается
И трава ковром
Стелется под ногами.
И родом крепок я,
Как сибирский кедр.
И мой крылатый олень,
Как никогда, крылат.
И летаю я
За семью морями,
Семь частей света
Измеряю глазами.
И земля мне чары
Свои щедрые дарит:
Красотою ослепляет,
Пышной речью оглушает,
В пляске буйно меня кружит,
Солнцем греет,
Вьюгой вьюжит...
Это мои плечи
В костях так широки
Или страна моя
Так сильна, могуча?!
Мой синий полдень,
Сказка золотая...»

О чём взгрустнулось мне?
Что приснилось мне?
Родом крепок я,
Как сибирский кедр.
И мой крылатый олень,
Как никогда, крылат...
Может быть, в отцовском краю
Загудела белая ночь
И пьянит она братьев моих
Белым-белым черёмушым мёдом,
Сожалея, что я в стороне?
А может быть, застонал мой лебедь,
Белый-белый мансийский мой лебедь,
Пряча горячую рану
В мягкие перья свои?
А может, половодьем буйным
Разыгралась великая Обь
И струи её уносят
Остатки холодной зимы?
А может, проклюнулось счастье
Робким, бескрылым орлёнком,
Чтоб в небе синем парить
Ширококрылым орлом?
Мы растём, как кедры,
Растём долго-долго.
Мы цветём черёмухой,
Быстро отцветая.

Ранят нас, как лебедей.
Мы раны свои прячем.
Не уйти нам лишь от снов
Волшебной колыбели детства.
В колыбели качаются сны.
Снами мучаются сыны.
Кому белая ночь
И река под окном,
Кому нефти фонтан,
Кому космодром...
Но родная волна
Во сне зажурчит —
И сердце, как лодку, качнёт.
И мой крылатый олень
В отчий уголок летит.
И сказки земли, как женщины,
Вновь чаруют меня...

Белая женщина — нежная белая рыба.
Как за большой добычей,
Я за тобой плыву.
Ах, рыба, рыба, рыба...
Рыба-красавица, нельма,
Шевельни серебристой талией,
Разволнуй-ка заводь мою.
А заводь моя — моё сердце.
В нём кружатся струи живые,
Как в большой настоящей реке.

Выплыви из мутной заводи –
В струях кристальных побудь.
Белая, белая женщина...
Может, меня ты дразнишь?
Руки твои неприкрытые
Двумя муксунами плавают.
Ноги твои – две нельмы –
От глаз уплывать не спешат.
Пальцы твои – десять стерлядей
С острыми головками...
Ах, женщина, белая женщина,
Почему ты мне кажешься рыбой?
Может, в реке моей стало
Мало серебряной нельмы?
Неужели хвост красной рыбы
Свивается в звуки загадки?
И уха золотая стерляжья
Лишь в сказке туманной дымится?
Женщина, белая женщина,
Спасибо хотя бы за то,
Что ты, как белая рыба,
От меня навсегда не уходишь.

Брат мой, бригадир Гослова, подарил мне мет-
рового осетра. А в лодке у него сверкали серебря-
ной чешуёй и важные нельмы, и нежные муксуны,
и язи золотились на большом летнем солнце, и

стерляди, одетые в зубчатую броню, копьями остроносими торчали меж большими рыбами.

– Большая рыба нынче пошла, – говорит брат мне. – Никогда не было столько белой рыбы.

Лишь теперь стал доходить до меня смысл слов брата, когда он говорил о лимите вылова и о стройке, которая развернулась рядом с родным мне селом Ванзетур. Там строят дома, возводят плотину, которая перегородит таёжную речку моего детства. В последнее моё прикосновение к земле предков отец мой сокрушался:

– Всё! Негде будет больше старику промыслять, негде отводить душу.

– Как негде? – удивился я. – Так широка Сосьва, сверкающая перед твоим домом. А рядом Обь с её бесчисленными рукавами, излучинами, протоками. И таёжных речек не счесть!

– То другое, – отвечал он вздыхая. – А здесь, в этой таёжной речке, твой дед и прадед испокон веков промыслили. Помнишь лесную избушку? Помнишь, как рыба плескалась, как соболев скакал, оставляя на белом снегу узоры следов?

– Как не помнить! – говорил я. – Только ты, отец, не сокрушайся. Разве плохо, когда в реке будет много сосвинской селёдки? Для того и строят рыбозаводный завод. Мальки, взлелеянные здесь, заплещутся во всей тысячекилометровой Сосьве!

– Хорошо, когда играет рыба! – отвечает он. – Только почему они выбрали именно эту речку? Большая ведь река Сосьва.

– Но лучшего места, наверное, нет. Учёные ведь долго искали...

– Всё ничего. Только вот что поделаешь со стариковской памятью.

И спел он такую песню:

«...Душа моя там ходит юными ногами.

Пред нею стелятся узкие лесные тропинки,

Заметные лишь моему глазу.

Если медведь выходит на зелёный берег –

То это душа моего отца

Разгуливает среди высоких кедров,

Вспоминая светлые человечьи дни.

Ведь он был из медвежьего рода.

Если на широком плёсе

Нашей таёжной речки

Звонкой утренней песней выплывает

белый лебедь –

То это душа моей кровной матери прикоснулась

К живым и трепетным струям

Своей человечьей молодости.

Ведь она была из крылатого лебяжьего рода.

И вот подумай, сынок:

Если речку вечной души моих предков

Загородят плотиной каменной,

Если остановят вечно живую воду на одном уровне,

если изломают

извивы зелёных берегов –

негде будет гулять медведю,

и лебединая песня, может быть, замрёт.

И поломается память предков...»

Я слушал песню отца и думал. Сказывают, слушай поучения отца, но и своим помыслам давай дорогу, слушай трогательную песню матери, но иди своей мужской дорогой к вершине, на которую уже не подняться. Цени и оберегай обычаи предков, но и о будущем не забывай...

– Отец мой! – воскликнул я. – Для будущего, светлого и богатого, нужно строить. И плотину, и газопровод, и нефтепромыслы!

– Будущее? Это хорошо! Я за ваше счастливое будущее! Только моя душа здесь играла. Я о том ведь только и пел. Моя мудрость и умение на берегу этой речки остались. Моя мудрость и блеск в волнах этой речки плескались. А где ваши силы развернутся – скажет время. Только скажу тебе, мой сын, ещё вот что:

Не тревожься даже в самом дремучем лесу.

Нашёл ручей – иди по течению.

Ручей к реке приведёт,

у реки – люди.

у людей – сердца.

Сердце человека,
что солнце в небе,
светит, греет.
Не тревожься в дремучем лесу.
Нашёл ручей – иди.
Не тревожься, что далеко:
пойдёшь – доберёшься!
Не тревожься, что тяжело:
станешь поднимать – поднимешь.
Ноги для того, чтобы идти.
Голова – чтобы видеть будущее.
Пусть светлой будет твоя голова!

Я слушал отца, но думал о своём. В большой реке моего детства и сегодня играет большая рыба. Рядом с братом моим, потомственным рыбаком, появились и учёный-ихтиолог, и строитель. Может, это и называется научно-организованным промыслом? А что же я тогда распелся про нежную рыбу, как про белую женщину, которая будто исчезла?

Не испугала ли нефть? По стальным артериям нефтепроводов потекла кровь моей земли – чёрное золото, которое жаждут иметь во всех концах планеты. Неужели добычу чёрного золота нельзя сделать строго научной, стерильно чистой? Наверно, и это возможно!

А отец пел:

– Состарившись, взойду на вершину

своей человеческой жизни.
Сказывают,
входящему на последнюю вершину
дают долгое слово.
Прощающийся со своей последней вершиной
говорит главное слово.
Моё главное слово —
ещё впереди.
Сегодня же слушай вот что.
Тело человека,
как падучая звезда,
появится, исчезнет.
Доброе имя человека
остается надолго.
Заслужи, сын мой, на земле доброе имя.
Хотелось бы, чтобы у вас, у наших сыновей,
были длинными не только волосы, но и мысли.
Пусть колеблются мысли ваши,
подобно струям глубокой и могучей реки.
Да, вы сильны!
Можете разломать, раскрошить камни и скалы!
И воду, живую, клокочущую,
можете остановить.
Добудете чёрное золото,
создадите и рыбу
большую.
Знаю. Верю!
Белая рыба, нежная-нежная сказка,
конечно же будет плескаться в струях

прозрачных рек...

А вот женщина иногда

от мужчины уходит.

Будьте чуткими к женщине,

как и к нежной белой рыбе!..

А я будто снова услышал медвежонка. Только
теперь он кричал:

— Братцы, мои братцы!

Поосторожнее...

С белой женщиной!..

А солнце играло в небе. Искрилась вода. Качался ветерок. Мой синий полдень, сказка золотая... Камни, казалось, и те пели. В этом шуме многозвучном я услышал признания сороки:

— Щар! Щар! Щар!

Это я, сорока, пою.

Щар! Щар! Щар!

Это я, голосистая, трещу:

Щар! Щар! Щар!

О чём моя песня?

О чём моё вещанье?

Щар! Щар! Щар!

Вы тоже попусту трещите.

И с меня вы не взыщите.

Щар! Щар! Щар!

у меня пустая песня?

А у вас?

Огонь из глаз?

Откровение святое
в звуках ваших звонких слов?
Прозрение века
в ваших гимнах?
Щар! Щар! Щар!
Смешно!
Щар! Щар! Щар!
Вы такие же трещалки,
как и я,
длиннохвостая сорока!..

А на зеленом мысу у самой воды стоял лось,
точно о чём-то размышляя.

Высоко поднятая голова. Навостреннные уши,
как антенны. Ветвистые рога словно могучие ру-
ки. Это они, казалось, держали и высокое небо, и
сияющее солнце...

Мой синий полдень, сказка золотая... Под лёг-
кий шелест листьев я слышу монолог лося:

Просыпается заря —
уплывает сон мой.
И мир бросается в мои глаза.
Смотрят на меня деревья, птицы, травы
и спрашивают:
— Кто ты такой?
— Я сын земли, — отвечаю,
не опуская
рогатой головы. —
Что вы качаетесь?

Что вы удивляетесь?
Я такой же, как и вы,
сын многоликой земли.
Круглые у меня глаза?
Разве виноват я, что так прекрасно лицо реки
при восходе золотого солнца!
Ноги у меня длинные?
Разве мог бы я догнать
мою любимую в миг состязания в любви!
Без этих ног я не узнал бы и землю.
Носят меня мои ноги
по лесам, полям, болотам.
Я перешагиваю ручьи болтливые,
плыву по рекам шипящим,
брожу по травянистому берегу
молчаливого озёра.
Почему стоят мои уши?
Люди разные.
Если уши опущу –
не услышу шаги коварных.
А носом чутким чую
за тридевять земель
ваше доброе иль злобное дыхание.
Да, копыта мои тяжелы.
Но чего бы стоил я
перед самым медведем,
если б не удар
моих каменных копыт!
И всё же косолапый

порою
сдирает с меня шкуру.
Притаившись в хвое
над тропой моей заповедной,
летит он с ветки
на широкую спину
и вырывает жилы
из гордой моей шеи.
Может, в том виновата
дремучесть ещё дикого леса,
а может, спина моя широкая
всему тому виной?
У меня голова большая?
Как бы мог носить я
корону ветвисторогую,
где бы я рождал
свои вечерние думы?
Рога – для врага.
Думы – для друзей.
Просыпается заря –
уплывает сон мой.
Я поднимаю рога
и высоко несу
думу.

Я иду по земле. Смотрю на песчаный обрыв.
Срывается камешек, катится, падает в воду. И мне
глыба обрыва кажется изваянием того... замурованного в земле последнего мамонта. Велик был

мамонт. Но перед Землёю он – ничто. Земля таила разум, рождение солнцеподобных микрочастиц. Всесильна Земля. Всевидяща и бессмертна.

Я иду по земле. Смотрю, слушаю, думаю... Этот многозвучный мир растёт во мне, поёт. Я иду по земле. Время во мне качается... Мой синий полдень, сказка золотая...

ТАРХАНОВ АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ

Монолог охотника

У охотничьей сторожки
Много преданных друзей:
Ворон, зоркий и сторожкий,
Два потомства глухарей...
Я встаю всегда при звёздах,
И они – мои друзья.
Я в поход,
 они – на отдых,
Ночью берегут меня.
Такова в тайге работа,
В этом нет моей хулы.
Соболиному полёту
Удивляются боры.
Да и я лететь стараюсь
За искристым собольком.
Как ни маюсь,
 как ни каюсь,
Всё же встретимся потом –
Он в снежинках,
 я – с ружьём...
И настанет вечер звёздный,
И настанет час вины.
Понимает лес тревожный
И мечты мои, и сны.

Христианин я и язычник

Христианин я и язычник,
Меня крестили в Иртыше.
И по судьбе своеобычной –
Две веры у меня в душе,
Они в крови моей от деда.
Внушал он, глядя на зарю:
«Не счесть богов моих заветов,
Тебе я только три дарю.
И первый наказ мой –
о нашей

Земле,
как о сыне, гори,
И маю, и осени каждой
По саженцу кедра дари.
А два моих важных завета
Ты детям своим накажи:
Будь другом надёжным соседа
И другу на помощь спеши.
Отваге, терпению в работе
Будь верен –
себя обретёшь,
И этих заветов в походе
Чураются злоба и ложь».

Встречное пламя

Орава пылит за оравой –
Ордынское войско идёт.
Собор величав, словно слава,

С которой удачен поход.
И стены —
 сажѣнная кладка,
Такие не взять на таран.
Смолой заполняются кадки.
Внушителен каждый колчан.
Стоят на стене Воевода
И схимник, святой Питирим.
От дыма темны небосводы,
Из мук человеческих дым.
Вдруг стихли и скрипы, и крики, —
Момент удивительным был, —
Огромный собор белоликий
Величьем врагов поразил.
Сухая трава колыхалась,
Зловещую силу тая.
И вдруг она огненной стала, —
Взревела лавина огня.
По знаку большого ордынца
Лавина пошла на собор.
Степные и звери, и птицы
Подняли немыслимый ор.
Вздохнул Воевода устало.
А схимник взглянул в небеса.
Вдруг молния ярко взыграла —
Разверзлись на миг небеса.
И вылетел ветер оттуда —
Как огненно-рыжий орёл, —
Увидели птицы и люди —

Он встречное пламя повёл.
Сошлись разъярённо лавины,
И ахнула, вздрогнув, земля.
Не стало в момент половины
Врагов у святого Кремля.
И понял лихой Воевода,
И понял святой Питирим,
Что вовремя божья подмога
Пришла как спасение к ним.
Горели кибитки и кони,
Горели жестокость и спесь.
И ринулось войско в погоню
За Бога,
 за Русь
 и за честь.

О сиротах

Приюты, интернаты и детдомы —
Всегда в них эхо слышится войны.
Приюты, интернаты и детдомы,
В дни мира
 тоже вы сирот полны.
Гляжу на них я с нежностью и болью.
Как чутко спят...
Я тишины прошу.
Я озарю сирот своей любовью,
Я в сны сирот волшебником вхожу.
А снится им одно и то же, люди:
Весенний сад и мама.

Много мам.
И синеглазку Лену папа будит
Во сне,
Но не разбудит дочку сам.
Её разбудят солнечные горны.
И новый день она, как хлеб, возьмёт
Из рук Отчизны – матери проворной,
С которой дружен солнечный восход.
Она – семья родная всем сиротам.
Всё это так...
Но есть рожденья день,
Боль матери, отцовские заботы...
Так где ж они?
Скажите, люди, где?!
Плечами удивлённо пожимают.
Сказать ли правду этим малышам?..
И Лены вскрик: «Я помню папу! Знаю –
Меня привёл сюда мой папа сам» –
«А мама привела меня и плачет, –
Вздыхает Коля,
Нет у Коли зла. –
Она, наверно, умерла, иначе
Ко мне бы обязательно пришла...»
О, вы, детей отринувшие, сами
Вы нынче стали знаками беды!..
Сироты спят.
Им снятся папы, мамы
И видятся весенние сады.

**ДИНИСЛАМОВА СВЕТЛАНА
СЕЛИВЁРСТОВНА**

Мамы нет уже немало лет...

Мамы нет уже немало лет,
На столе стоит её портрет,
Я люблюсь женщиной земной,
Женщиной, дарящей мне покой.
Мама излучает добрый свет,
Взглядом нежным мне даёт совет,
Рядом с ней уютно и тепло,
На душе и на сердце светло.
На неё похожей быть хочу,
И её молитвы я шепчу,
Я молю о здравии детей –
Маленьких утят и лебедей.
Я прошу у мамы: «Дай мне сил,
Чтобы мир мне был всё также мил,
Чтобы я могла узреть красу
Из окошек домика в лесу.
Чтоб как ты, ступала по земле,
Чтобы птицы также пели мне,
Также суетилась бы у костра,
Мирными чтоб были вечера...»
Я люблюсь женщиной земной,
Женщиной, дарящей мне покой,
Предо мной стоит её портрет,
И не верю я, что мамы нет.

Полина

Солнечный лучик медленно скользил по подушке, пытаясь осветить Полину, ведь сегодня Нуми-Торум дарит ей особенный день. Но снова, как только лучик дотронулся до волос женщины, она резко отодвинулась к краю кровати. Сон её был тревожным. Полине снова снился её первенец – сын Ванечка. Маленький ласковый ребенок сидит на подушке у изголовья, лепечет свои первые слова. Но вот в сердце матери врывается предчувствие неминуемой беды, второпях она пытается ухватить сына за ножки и втянуть под одеяло, спрятать, защитить его. Но руки путаются в белье, и она, как ни старается, не может их высвободить. Сыночек радостно улыбается и протягивает ручки кому-то, стоящему за её спиной. Ребёнка забирают, и Полина знает, что больше его никогда не увидит...

Сон этот снится часто и уже очень долгое время – почти тридцать лет. Он всегда одинаков до этого момента, и здесь можно проснуться, прервав тем самым дальнейшие видения, грустные и печальные, в которых Полина, пытаясь отыскать сына, оказывается в незнакомых лесах, городах, терпит страхи, испытывает душевные и физические боли. Она может проснуться в любой момент, но тогда не будет главного: хоть издали увидеть сына, знать, что он жив и здоров.

Вот и в сегодняшнем сне, долго блуждая по незнакомому ночному городу, с трудом пробравшись через какие-то грязные, заваленные хламом дворы, убегая от собак и людей, Полина оказалась в огромном, ярко освещенном здании из стекла и металла. Там многолюдно, все хорошо одеты, почти у каждого рядом большие сумки и чемоданы. Одни куда-то спешат, другие сидят на скамейках. Полина поняла, что это вокзал. Однажды она была в городе Ивделе на железнодорожном вокзале, там люди вели себя так же. Правда, то здание было небольшим, всех можно было охватить взглядом, стоя у дверей. Здесь же, чтобы увидеть того, ради кого пришла, придется идти по всему вокзалу. Прислушавшись, Полина поняла и то, что люди говорят на украинском языке, в прошлом ей доводилось слышать такую речь. Её первый муж был украинцем, он общался со своими земляками на своем языке.

Теперь нужно разыскать сына – взрослого уже человека. Полина медленно идёт по залу, с опаской вглядываясь в людей. Она боится их, незнакомых, чужих, равнодушных. Встречаясь случайно с чьим-либо взглядом, она опускает взор, мысли её путаются, хочется немедленно проснуться. Но мысль о сыне заставляет упрямо продолжать путь.

И вот материнское сердце вздрогнуло: среди тысяч людей она увидела, нет, не взрослого сына,

а того маленького Ванечку, которого довелось по-нежить лишь в первые два годика его жизни. Она увидела сыночка, которого не смогла сполна одарить материнской любовью и лаской, сыночка, которого выкрал у родной матери отец. Полина не помнит, как и когда оказалась рядом с малышом, ласково улыбавшимся ей. Она хотела поцеловать его, взять на руки, прижать к своему сердцу... Но вдруг, как наяву, кто-то больно ткнул её в плечо. Рядом стоял мужчина, он угрожающе кричал и махал руками, показывая то на ребёнка, сидящего на коленях у молодой женщины, то на неё, трепетавшую уже от страха. Что-то до боли знакомое было в движениях и голосе этого парня. На миг время унеслось в прошлое: первый муж Полины Сергей о чём-то спорит со своим земляком, тоже заключённым «поселенцем» Тот же голос, те же движения... В радостной догадке Полина поднимает взгляд, смело осматривает кричащего мужчину. Ей хочется сказать: «Сыночек, ты так похож на своего отца. А рядом, значит, мой внук? Сыночек, я твоя мама», но она не может произнести этих слов, за долгие годы жизни на стойбище русский язык почти стёрся из её памяти, а украинского она не знает. Полина была счастлива, и её уже не пугало, что мужчина распалялся всё больше и больше. Только бы длился сон. Но что-то мешало...

И тут Полина почувствовала, что кто-то тихо-нечко тянет её за руку. От удивления, что в чужом и незнакомом месте к ней относятся с заботой, она чуть не проснулась, чуть не потеряла сон. Но сейчас она не могла позволить себе такое расставание и, чтобы продолжить сновидение, замерла, почти перестала дышать. Сон вернулся. Материнское сердце подсказало, что за руку её держит младшенький – Гаврилка – сын, которого она потеряла совсем недавно. Полина медленно поворачивается к нему, ноги её подкашиваются, она ухватывается за худенькие плечи сына, прижимает его к себе, из груди вырываются рыдания: «Ятилкве, анум воссыг ул хультуптэлын...» «Миленький мой, не покидай меня больше. Мне очень тяжело без тебя. Зачем Духи священной реки Пелым позволили тебе так рано уйти из жизни, зачем наказали меня таким невыносимым горем, как же мне дальше жить?..» Гаврилка нежно гладит мать по лицу, утирает слёзы, шепчет: «Омакве, ома, ома...» «Мамочка, мама, мама...» И тут Полина начинает понимать, что зов сына идёт извне, из реального мира. Она открывает глаза, солнечный лучик ласково пригревает лицо – сушит слёзы. И вновь слышится: «Ома, ома» Полина резко поднимается с постели, бросается к переднему углу, туда, где вот уже несколько долгих месяцев лежит, прикованный к постели, сын Сашка.

– Ятилкве. Ёл оилматвесум, ворил нох рохтысум... Миленький мой. Уснула крепко, еле проснулась. Ты давно меня зовёшь? Горшок подать? Сейчас, сейчас. Вот так, хорошо. Сейчас сбегая на улицу, печку затоплю, чай вскипячу. Ты давно проснулся?

– Ати, усьтынув... Нет, недавно. Ты во сне очень стонала, всхлипывала, я испугался, думал, что ты заболела. Дядя Петя вон тоже спит, постанывает. Может, его разбудить?

– Тав вос мось инг улмаи... Да пусть ещё сны досматривает. Он, наверно, во сне с кем-то воюет. Целый день радио слушаешь: как не застонешь.

Полина сбегала во двор, растопила печь, вернулась, поправила сыну постель, поставила градусник, стала ждать. Градусник – хрупкая вещь, к нему относятся очень бережно, на него возлагают большие надежды на Сашкино выздоровление. Полгода назад, когда из тайги отец приволок на себе изувеченного медведем сына, первым делом, как к единственному спасению, Полина бросилась к аптечке, оставленной когда-то проезжими туристами. Всё содержимое аптечки закончилось в тот же день, остался только градусник. Вот уже полгода он является неизменным началом каждого дня. Когда Сашка лежал с градусником, Полина сидела рядом на маленькой скамеечке и смазывала ему медвежьим жиром уже затягивающиеся раны, нежно гладила и разминала его неподвижную ру-

ку. Сашка с благодарностью и надеждой смотрел на мать, пытался улыбаться, но получалась лишь жалкая гримаса. Минут через десять Полина вынимала градусник, подходила к окну и долго изучала ртутную шкалу. Её радовало, что вот уже вторую неделю она была ниже красной полосы, значит, сын пошёл на поправку. Настроение матери переходило сыну, и он, пока ещё с трудом, начинал рассказывать о своих снах, о своих раздумьях по поводу услышанных радиопередач. Вскоре в разговор, кряхтя и постанывая, вступал слепой Петр. В эти дни, всё чаще слыша голос теперь уже единственного племянника, он стал чуть бодрее.

Полина поила мужчин ароматным чаем, заваренным смородиновым листом, затем шла готовить обед. Все продукты были на исходе. Полина долго отваривала кусочки сушёного мяса, заваривала бульон мукой. Рыба для них была редкостью. На Пелыме, несущем свои тёмные воды всего в нескольких метрах от дома, рыбу они не ловили. Река имела большую святость. Чтобы как-то разнообразить питание, Николай – муж Полины и единственный кормилец в доме, вчера ушёл на озёра, на рыбалку. Озёра находились в пятнадцати километрах от дома.

Полина подтопила печь, поставила котёл с варевом и тихонечко, оглядываясь по сторонам, словно кто-то мог за ней подглядеть, пошла к сво-

ему укромному месту. Оно находилось недалеко от дома, к нему можно было идти по прямой тропинке, по ней, наверное, шёл и Гаврилка в последний день своей недолгой – семнадцатилетней жизни. Полина же ходила туда украдкой по кромке леса, скрываясь в кустарнике. К заветному месту она выходила со стороны леса, подходила к одинокой берёзе, стоящей на отвесном выступе у реки. Здесь тайком она оплакивала свою тяжёлую долю. Сегодня покоя не давали мысли о Гаврилке. Вот здесь, совсем ещё недавно стоял он – её младшенький, наверное, он смотрел на воду, на лес, на свой дом, постройки. Наверное, также пели птицы, играл ветерок и светило солнце. Что же случилось тогда? Может быть, поскользнулся и упал в воду, или сам ушёл из жизни? Нет, он очень любил жизнь! Он любил и жалел родных, трепетно относился к матери. Полину душили слёзы, она упала на колени, стала нежно гладить и целовать землю, те места, где ступали ноги её сына. Перед ней проплывали картины совсем недавней жизни, радостные и счастливые: вот они с младшеньким несут дрова из леса, сын говорит: «Вот вырасту, буду тебя на руках носить», вот собирают ягоды, и слышится пение Гаврилки: «Амаквем хотал хурип... Моя мама, как солнце, также согревает меня, также освещает мне путь...» Полина умоляла духов-покровителей и всех своих ушедших в тот мир оберегать Гаврил-

ку. Она долго оплакивала сына: «Ятил войкан, ятил сорни! Милое пресветлое, золотое! Светлый мой, милый мой сыночек! Ты ведь где-то рядом, дай мне знак. Появись и скажи, как ты на том свете без своей мамочки. Если тебе очень тяжело, я приду к тебе сейчас. Сил моих нет жить на земле в таких страданиях. Позови меня, прошу тебя, позови. Появись и скажи...» И сын появился: худенький, стеснительный, робкий, такой, каким был при земной жизни. Он сел рядом с матерью и ласково погладил её по руке: «Ома, ул люньщен... Мама, не плачь, ведь я никуда не ушёл от тебя и никогда не уйду. Я всегда рядом с тобой, рядом с вами. Просто вы меня не видите... Ты должна помогать Сашке, он нуждается в помощи. Не торопись сюда, отсюда обратно не возвращаются. Не переживай, я всегда рядом с тобой...» Видение исчезло также неожиданно, как и появилось. Пытаясь уловить присутствие сына, Полина стала прислушиваться к шорохам. На всякий случай тихонько прошептала: «Ты здесь?», в ответ со всех сторон, от трав, листьев, цветов пронёсся шепоток: «здесь, здесь, здесь...» Место, где только что сидел её сын, освещал яркий сноп солнечных лучей, чудом пробившихся сквозь густую листву берёзы. Всё это вселило Полине уверенности, что Гаврилка находится рядом. Она поднялась с земли, благодарно преклонила голову перед солнцем: «Хотал, хоталкве! Нанг регын, нанг посын хосыт ман ты

олантэв... Солнце, солнышко! Благодаря твоему свету и теплу мы живем, спасибо тебе за заботу. Жизнь многих поколений людей ты согревала, в их жизни тоже были беды, но они жили, растили детей. У меня есть радость в жизни – мои сыновья. Ради них я должна жить. Умоляю, солнце, помоги Сашке, пусть он встанет на ноги, умоляю тебя, солнце...» Не успев до конца прошептать свою молитву, сквозь ветви Полина взглянула в сторону дома. Сердце её рвануло от неожиданности. В дверях дома, ухватившись за косяк, стоял Сашка. Он пытался куда-то идти, но боялся ступить, боялся упасть. Из всех сил мать бросилась к сыну, бежала по проторённой когда-то младшеньким тропинке, узенькой, ровненькой, прямой. Добежав до Сашки, упала перед ним на колени, обхватила за ноги, запричитала: «Ятил поскве! Нанг сансагынт яныгмам няврамаквет, нанг хосытынт элаль олнэ хотал вос хонтыглалэгыт... О, милое пресветлое! На твоих коленях возвращённые дети, благодаря твоему усердию для жизни дни пусть найдут, дорогу в жизни пусть найдут...».

Сашка бережно гладит мать по голове, растеряно улыбается: «Мама, проводи меня до реки. Мои глаза давно не видели её священных вод. Мама, а вон и собаки наши показались, и отец с добычей идёт».

АНИСИМКОВА МАРГАРИТА КУЗЬМИНИЧНА

Невероятные приключения Ерофея Анямова

Часть 1

Перевёрнутые горы

– Я могу назвать себя самым сильным человеком в Югре, мудрый шаман Каменной стороны Манорага, увидел во мне невероятную силу, хотел даже отдать мне свой бубен с колотушкой. Но я, как вы сами догадались, – отказался, – бахвалился Ерофейка Анямов, горделиво усевшись на нарте и натягивая тетиву на охотничий лук.

Народу в пауле собралось много. Все ждали приезда приёмщиков пушнины. Горели костры, варилась в котлах свежая оленина, играли с собаками ребятишки, рассматривали колокольчики, нашитые на оленьих упряжках.

– Мне казалось, что я особенного ничего не делал, только помог шаману Манораге и Небесному Торуму¹ повернуть каменные глыбы. Мне это ровным счётом ничего не стоило. Я, как и все мои сородичи, живу среди лесов, многочисленных болот, озёр и рек, а к высоченным горам подъезжаю редко. Какой толк от этих каменных глыб, на которых деревья не растут, ягоды не родятся и зверьё не водится? Есть только одна польза – у под-

¹ Торум – небесный Бог.

ножия хороший мох-ягель – растёт. Туда на всё лето пастухи со всей округи гонят олени стада отдыхать и нагуливать жир. Но Манорага, видать побольше меня знает о тайне гор... Когда он с бубном и колотушкой забрался на вершину горы, поближе к Торуму, я нечаянно оказался у подножия и услышал: «Ерофейка, ты чё стоишь? Помогай горы поворачивать!»

Я, недолго думая, со всей силы упёрся плечом в громадную глыбу. И чё вы думаете? Послышался гром, горы закрипели, загрохотали, и с высоты на землю повалились, посыпались камни. Я мог бы, конечно, погибнуть под камнепадом, но сумел вовремя увернуться и продолжил толкать гору.

Монорага грохотал бубном, прибавляя мне силы.

Целых семь дней я не пил и не ел, поворачивая горы. И вдруг в расщелинах промелькнул свет, потоком хлынула вода. Я успел отскочить. И даже не заметил, как очутился рядом с Монорагой...

– Ну вот! – сказал шаман с облегчением. – Спасибо, Ерофейка. Такие горы помог перевернуть! – И передал мне свой бубен с колотушкой. – Теперь по всем расщелинам реки потекут, люди тропы проторят и станут к своим братьям за Камень в гости ходить.

Но я этому не придавал значения, я просто помогал.

Встреча с осетром

– Беззаботно плыву на своём обласке² по реке Манья. Жарко. Рыба в реке играет, плещется, только чешуйки сверкают серебром.

Вдруг, откуда ни возьмись, на небе показались тёмные облака. Загремел гром, засверкали молнии, и обрушился ливень. Река сразу вышла из берегов, волны закружили облас и понесли меня к расщелинам скал. Я и глазом моргнуть не успел, как очутился на просторах могучей Оби. Держусь за край обласа, думаю: волны захлестнут облас, а я плавать не умею. Вижу: по середине реки плывёт большущий осётр, поболе моей лодки. Раскрыл он рот и вмиг проглотил её. Я, конечно, не испугался, оказавшись на скользкой спине рыбыны, схватился за крепкие плавники осетра и стал ладонью хлестать его по выпученным глазам, пинать пятками по бокам. Осётр, видать, рассердился и начал нырять: то ко дну спуститься, то наверх всплывёт. А рыбы в Оби великое множество – хватают меня за ноги, за штанины, одна даже хапнула за руку.

Я кричу осетру: «Вези меня на Манью-реку!», а он будто не слышит. Носится вдоль и поперёк реки и вдруг как фыркнет! Брызги полетели во все стороны, у меня шапка с головы слетела, и изо рта осетра мой облас вылетел. Я от радости стал бе-

² Облас – лодка, выдолбленная из ствола дерева.

гать по спине осетра, да, изловчившись, прыгнул прямо в облас – и скорее домой!

Ну прямо систый смех со мной приключился!

Пляшущие стерлядки

– Когда осётр таскал меня на своей спине по Оби, среди множества рыб я заметил красивеньких рыбок, без чешуек, с остренькими носами. Такие в нашей Манье-реке не водятся. Осётр называл их стерлядками.

Поскольку я человек любознательный, то непременно захотел узнать об этих обитателях речных просторов всё доподлинно. Недолго раздумывая, оказался я на крутом яру Оби и стал посвистом звать осетра.

К берегу приплыло великое множество этих речных великанов. Отталкивая друг друга, они упирались носами в берег. Я вскочил на их скользкие спины, толстые, как брёвна, и спросил: где живут рыбки с красивыми носиками?

Осетры стали переговариваться между собой, пускать изо ртов пузырьки. Их разговор я разобрать не смог, но увидел, как на противоположном берегу, возле песчаной косы, вспенилась вода, будто вскипела в котле. Пригляделся, а там резвились стерлядки, кувыркались, плескались, ныряли, показывая белые брюшки.

Несколько из них выпрыгнули на песок, закувыркались. Тут я не стал долго раздумывать, вы-

ташил из обласа санквольтап³, который всегда со мной, и, размахнувшись, бросил его на песчаную косу. Одна из стерлядок захлопала плавниками по струнам. На берег стали выпрыгивать остальные и плясать «Куреньку», они, наверное, пели, так как разевали рты, но я не расслышал. Признаться, я был готов вместе с ними пуститься в пляс, но передумал. У меня в это время болело колено. Сидя на яру, я хлопал в ладоши и посвистывал.

Ну прямо систый смех с этими рыбками!

Выводок утят

— Когда стерлядки плясали, я, заслушавшись, присел между двумя кочками и не разглядел, что подо мной утиные яйца. Правда, заметил, что над моей головой летала гагара и громко крикала. Но сами знаете, сколько уток прилетают в наши края вить гнёзда! И сколько гаму от них! Не стреляя, палкой я мог сшибить их нечётное число, но побожился, что не дотащу до чума, чтобы ощипать. Так и сидел, не обращая на крик гагары никакого внимания.

А стерляди стали мне казаться танцующими в бабьих платьях и вроде как к себе звать. Я вспомнил про осетра и готов был просить его перевести меня к песчаной косе, к стерлядкам. Только я под-

³ Санквольтап (санквылтап) – мансийский музыкальный инструмент.

нялся с кочки, из-под меня стали вылетать один за другим жёлтенькие утятки. Оказалось, за это время, что я сидел на гагарьем гнезде, птенцы успели вылупиться.

Мать-гагара гогочет над моей головой, а утятки пищат возле моих ног – шагу не дают сделать, норовят под лузан⁴ спрятаться, в рукава лезут и материнского зова не слышат. Я побежал от них к обласу, а они за мной. Из-за них я потерял из виду пляшущих на песке стерлядок.

Ну прямо систый смех с этими утятками!

Как лося из болота вытаскивали

Плыву на обласе. Жара. На берег выйти нельзя – гнус тучами роится. Того и гляди, без глаз останешься. На реке всё-таки ветерок. И вдруг слышу чьё-то жалобное мычание. Я насторожился, положил весло. Тишина, слышно только нудное жужжание. Собрался плыть дальше, но опять кто-то жалобно промычал.

Моё терпение кончилось. Выскочил на берег и вижу: в болотной жиже кто-то барахтается. Пригляделся, а это огромный лось провалился в болото и выбраться не может. Подхожу ближе, а у лося только голова с большими рогами торчит. Увидел меня, бедняга, замычал ещё жалобнее.

⁴ Лузан – сшитая из войлока верхняя одежда

А трясина его засасывает. Ну, думаю, погибать тебе тут, лось. Мне ведь с тобой не справиться, а позвать на подмогу некого.

Вспомнил, что в обласе лежит сплетённая из осоки верёвка. Вы ведь знаете – человек я запасливый. Быстро сбегал к лодке, достал ту верёвку, вернулся, а у лося уже только ноздри видать да рога. Я размахнулся, и с первого раза петля угодила лося на рога.

Стал тянуть верёвку, а она сразу в нескольких местах порвалась. Связал её, но вытянуть лося сил не хватает. Побежал в бор. Увидел там медведицу. Она с медвежатами по траве каталилась, играла.

– Помогай! – кричу медведице. – Лось в трясине тонет.

Сам побежал обратно. Слышу: сзади меня болото закачалось, брызги во все стороны летят. Это медведица бежит, и медвежата за ней.

Стали мы вместе вытягивать лося из трясины.

Тянули, тянули, уже наполовину вытянули, и опять верёвка порвалась. Упал я от усталости, а когда открыл глаза, увидел, что лежу на дне своего обласа. То ли медведица, то ли лось притащили меня в облас – вспомнить не могу...

Ну, просто систый смех, да и только!

Золотая цепь, спущенная с неба

Наступила осень: подули ветра, повалил мокрый снег. Пришла пора перегонять оленей от под-

ножия гор, где они пасутся летом, на болота, богатые ягелем.

Иду, люблюсь лесом, слушаю, как перешёптываются деревья между собой, провожаю взглядом караваны птиц, улетающих на зимовье в тёплые края. Долго шёл. Обрадовался, когда вдали горы показались. Думаю: поймаю оленей, запрягу упряжку и домой помчусь. Устал шибко, бродни⁵ порвались, на ногах мозоли натёр. Ищу оленей и ни одного следа увидеть не могу. Неужели всех волки съели? Без оленя человек – сирота. Стою среди каменных глыб, гляжу на небо и вижу: прямо ко мне спускается золотая цепь. Видно, сам Торум пожалел меня.

Я, недолго думая, схватился за эту цепь, и она стала поднимать меня на небо. Крепко держусь, только ноги болтаются.

Я с испугу и крикнуть не успел, увидел землю, усыпанную снегом, чумы, стоявшие по берегам рек, и свой чум, и избушку. Красота вокруг! А цепь поскрипывает, раскачивается, поднимает меня всё выше и выше. У меня дух перехватило. Вдруг вижу: между ложбинами моё стадо в кучу сбилось, я сразу узнал своих оленей по выжженной тамге⁶ на ушах, да как закричу: «Вота они где! Спускай меня обратно!»

⁵ Бродни – обувь, сшитая из лосиных и оленьих кож.

⁶ Тамга – клеймо, талисман, священный родовой знак.

Цепь остановилась, стала раскачиваться из стороны в сторону, я начал кричать: «Нашлись мои олешки, памасибо⁷ тебе!» И цепь стала спускаться. Скоро я очутился в стаде, запряг упряжку и скорее – домой!

Самого Торума не видел, а только тень руки, держащую цепь. От страха у меня первый раз в жизни душа дрожала.

Как гуси чум перетаскивали

Весна пришла ранняя: вода затопила всю округу, реки вышли из берегов. Мой берёзовый чум волны готовы были сорвать с места, унести неведомо куда. Стою возле чума по колено в воде, горюю, а высоко в небе пролетает караван за караваном перелётных птиц. Торопятся на свои гнездовья.

Летят, гогочут, курлычут, радуются прилёту на родину.

Замахал я рукой да как закричу: «Пасе, рума! Пасе, рума!»⁸. Тут и подумал: не позвать ли мне караван гусей перетащить мой чум на сухое место? И давай свистеть во всё горло, по-гусиному курлыкать. Вижу: вожак стал спускаться, закружил над моим чумом. Тут и вся стая подлетела, да как начали все орать! Я уши мхом заткнул, чтоб не

⁷ Памасибо – спасибо.

⁸ Пасе, рума (Пася, рума) – здравствуй, друг.

оглохнуть, а сам прошу: «Перенесите мой чум на сухое место!».

Гусыни клювами защёлкали, стали щипать стебли прошлогодней осоки и верёвки из них плести. Клюют, искоса на вожака посматривают. А он гордо вышагивает, клювом перья на груди пересчитывает, потом уселся на вершину чума и лениво взмахнул одним крылом. Гусыни быстро привязали верёвки к вершине чума и по взмаху крыльев вожака подняли с мокрого места моё жилище.

Полетели, стали крыльями небо резать. С чума вода полилась, болотная тина повалилась. Собака Лайка с испугу скулила и еле попевала за мной...

За излучиной я увидел чум, поставленный гусынями на сухом месте. Собрался угостить гусей овсяными зёрнами, которые у меня в кармане остались, но в небе только чёрные точки виднелись, но и они скоро скрылись из вида. «Ну прямо сис-тый смех!» – подумал я и пожалел, что не успел сказать птицам хорошие слова.

Паутинные крылья

Ягод уродилось в этот год видимо-невидимо: на болотах – морошка да клюква, в борах – брусника, черника да голубика. Ну прямо ногу поставить некуда, а топтать ягоды жалко. Сел возле куста смородины, стал думать, как быть, а ветки от ягод к земле клонятся. Сижу, думаю и вижу:

ветки тенётами переплетены. Тронул ветку рукой, а паук-крестовик тут как тут! Увидел меня, глаза вытаращил, усиками шевелит. Вроде ругается. Я и говорю ему: «Давай крылья паутинные мне плети, чтоб мог я над ягодниками летать», паук забежал по паутине взад-вперёд, забежал по веткам и потерялся из виду. «И чё это он убежал? – думаю. – Я ведь одним махом порву всю его паутину. Тогда он помрёт с голоду, никакая букашка не станет его добычей» Только так подумал – вижу: со всех сторон по веткам бегут пауки, и за всеми паутина тянется. Очутились они на моей спине и начали обматывать ею мою рубаху. Не успел я опомниться, как между рукавами у меня паутинные крылья выросли. Лёгкие такие и почти незаметные. Ветерок приподнял меня над морошковым болотом, я и полетел.

Чувствую, ноги над землёй болтаются, ступить на землю не могу. Тащит меня ветер над землёй. Над всеми болотами я пролетел, в бору долго над ягодниками кружил. Мне уже и надоело – не знаю, как остановиться. Увидел лес. Обрадовался – там-то за любой сучок зацепятся эти паутинные крылышки и порвутся. Да куда там! Потащили меня крылышки над клюквенными кочками, пенькам, усыпанными ягодами. А у меня голова уже кругами пошла, в глазах всё потемнело.

Как увидел крышу своей избушки, обрадовался: там вокруг сухары⁹ стоят. Они сучковатые, вмиг порвут паутинные крылья. Так и случилось. От паутины только следы липких ниточек на рубахе остались. Зато ни одной ягодки не помял.

Ну чё тут сказать? Сისტый смех, да и только.

Медведь в избушке

Возле моей охотничьей избушки, в которой я бываю только зимой, летом вырастает высоченная трава: только крыша виднеется. Я, конечно, туда дорогу с закрытыми глазами найду. Пробираюсь к ней по затёсам и вижу: на деревьях видимо-невидимо векшей¹⁰ носятся по веткам и перелетают с дерева на дерево, резвятся. Увидев меня, запищали, засвистели, захохотали, оскалив белые зубы.

– Чё орёте? – прикрикнул на них, а они ещё пуще смеются. Махнул рукой.

Подхожу ближе к избушке, сильный храп слышу, и дверь распахнута. Вы знаете, человек я храбрый. Не испугался. Перешагнул через порог и вижу: на полу разлёгся сам Хозяин леса, голову под лавку спрятал, морду лапами закрыл, да ещё на голову крапивную мерёжу набросил и храпит так, что стены трясутся. Видать от комаров спря-

⁹ Сухара – дерево, высохшее на корню.

¹⁰ Векшы – рыжая, летняя белка.

тался. Я толкнул его ногой в бок, медведь даже не пошевелился.

Тут моё терпение лопнуло: стащил с его морды мерёжу, схватил за ухо и поволок из избушки. Игривые векши перестали кричать и хохотать – присмирели. Вытащил я из избушки непрошенного гостя, а он как чихнёт! Из ноздрей туча комаров вылетела, а меня его чих в траву отбросил.

Я быстро вскочил, опять схватил медведя за ухо и потащил на болото. Налетевший гнус полез в глаза и ноздри Хозяина. Он приоткрыл один глаз да как заревёт! Прикрыл медведь лапой ухо, которое я чуть было не оторвал ему, и побежал по болоту – только брызги во все стороны летели.

Ну прямо систый смех с этим Хозяином!

Встреча

Услышал я однажды от мужиков, будто в горах, к подножию которых мы на лето оленей гоняем, ест камни, которые дороже соболиных мехов.

Я долго раздумывать не стал, достал охотничьи поволоки¹¹, одна оказалась сломана, пришлось на другой, целой, мчаться к горам. А горы такие высокие, вершины облака режут. Стал приглядываться, думаю: не зря же люди говорят. Пригляделся и увидел на самой вершине лося. Того само-

¹¹ Поволоки – лыжи, обитые мехом из лосиных или оленьих кож.

го, которого я с медведицей из болота вытаскивал. По-видимому, тогда с испугу он бежал, куда ноги несли, куда глаза глядели, и оказался он на вершине горы. Теперь бегаёт по самой кромке, мычит, спуститься не может.

— А теперь чё с тобой делать буду? — кричу ему. — Верёвок нету, да и камни — не болотная жижа. Упадёшь — сразу все кости переломашь.

Лось жалобно мычит. Неподалёку по песчаной косе глухари расхаживают, камушки отыскивают, я им и кричу:

— Помогите лосю с горы спустить! Крылья-то у вас крепкие.

Глухари закурлыкали, защёлкали клювами, заговорили между собой по-глухарину.

— Пусть спускается, с камня на камень прыгает, а если оступится, мы ему крылья подставим, — прокурлыкал старый красноглазый глухарь.

— Спускайся! — закричал я лосю. — Не бойся, не разобьёшься. А если упадёшь, глухари помогут.

Только сделал лось несколько шагов, с гор полетели камни, а за ними повалился лось. Умудрились глухари подставить ему свои крылья, и угодил лось прямо на мою поволоку.

Бывают же счастливики! Не знаю, куда утащила его моя поволока, только на том месте, где его копыта земли коснулись, нашёл я несколько камушков, которые, как сказали мне геологи, горным хрусталём называются. Точно знаю, они с ло-

синих копыт отвалились. Положил я их в карман, всё равно в камнях ничего не понимаю, пусть знающие люди разбираются.

Только поволоку жалко, пришлось пешком до своего чума добираться.

Пожар

В то время, когда ветер принёс запах гари, я был занят важным делом: выдалбливал из целого ствола осины новую колданку¹². Со стороны леса слышался топот копыт, крики и рычание зверей, гогот и карканье птиц. А когда из леса с рёвом выбежала медведица с подпаленной шерстью, я с разбегу бухнулся в реку. Барахтался в воде недолго, всё думал, как погасить пожар. Голова моя светлая!

Забрёл поглубже в воду, набрал полные штаны воды, прихватил с собой берёзовые вёдра с водой, встал на новые поволоки и помчался к месту пожара. Лечу, издали увидел клубы чёрного дыма над бором. Стал я торопить поволоки. Одна оторвалась и угодила прямо в огонь. Можете представить, какой ужас охватил меня! Но я сразу нашёлся: достал из кармана нож и стал протыкать им штаны, наполненные водой. Летаю над пожарищем, а вода льётся.

¹² Колданка – вёрткая долблённая лодка.

Пламя зашипело и мало-помалу гаснуть стало. А я всё летал и летал. Сам от дыма весь почернел. Но не оставлять же непотушенным пожар. И так столько лесу гибнет!!!

Весь остаток лета смывал с себя копоть да мастерил новую поволоку. К первому снегу у меня уже всё было готово к охоте.

Как я зуб потерял

Как-то в драке с Микулькой Номиним зуб потерял. Сказав себе: «Ерунда!», нащупал языком пустое место во рту, махнул рукой и направился в пауль¹³.

Люди хоть и не спрашивали ни о чём, а похихатывали. Не мог я вытерпеть насмешек над собой.

– Так разболелся у меня зуб, что в глазах потемнело, – начинал Ерофейка свой рассказ, когда к его нарте подходили любопытные. – День болел, два болел. Я и всякую траву жевал, и водой из разных озёр полоскал, а он всё болит и болит. Вышел из избушки. Лёг на поляну, стону от боли. Щека раздулась, рот набок повернулся. Слышу, в стороне дятел из-под коры корм добывает, долбит. Я ему крикнул: «Ты, длинноносый лазун, не знаешь, чё делать, если зуб болит?» Дятел перестал стучать, подлетел ко мне и говорит: «Открой рот»

¹³ Пауль – стойбище.

Тут уж я не противился: закрыл глаза, открыл рот.

– Шире, шире открывай! – защёлкал дятел.

Я послушался, а сам думаю: как начнёт ещё мне глаза выклёвывать. А боль нестерпимая: корчусь, ногами о землю сучу.

– Ишо шире! – кричит дятел.

А куда шире? Я и так рот чуть не порвал.

В это время дятел упёрся когтями в подбородок, захлопал крыльями по лицу, а я заорал во всё горло – испугал дятла, а он как дёрнет зуб, у меня чуть башка не оторвалась. Лежу ни жив ни мёртв, потихоньку приоткрыл глаза. Вижу: кружит надо мной дятел с моим зубом в клюве. Покружил, покружил и улетел. Я и слова сказать не мог, лежал, только языком пустое место облизывал.

Не мог же я рассказать всю правду сородичам, да никто бы и не поверил.

Ну прямо систый смех был с этим дятлом!

Лисья шапка

Пришла зима. Самая пора добывать зверя: шкурки спели, ворс густой.

Собрался на охоту. Всё при мне! Погнал оленей к Уральским урочищам. Ноне в ту сторону соболь подался. Был урожайный год на кедровые орехи.

Олени бегут, из-под копыт снег летит. На душе радостно. Я песни пою, ветру свистеть помогаю.

Подъезжаю к Манинскому озеру. Там мелкий кустарник растёт. И вдруг чувствую на голове шапка зашевелилась (Мы, вогулы, редко шапки носим). У нас к малице башлыки пришивают. А я в прошлую осень из красивой лисьей шкурки шапку сшил. В ней на охоту и поехал. Я её только на лоб натяну – а она снова на макушке окажется. Выбежали олени к осиннику, тут шапка уже запрыгала у меня на голове.

Откуда ни возьмись, из-под пенька заяц-беляк выскочил, большущий такой, и бросился бежать. И тут с моей головы спрыгнула лисья шапка и покатилась по заячьему следу. Катилась, катилась и вдруг в лису обернулась. Я и опомниться не успел, как заяц и лиса потерялись из виду. Хотел погнать оленей за ними, да передумал.

Ну прямо систый смех с этой шапкой!

Наконечники для стрел

Всем известно, что мимо меня птица не пролетит, зверь не пробежит, да и деревья вокруг знаю наперечёт. Как-то иду ходко по бору, и вдруг кто-то хватает меня за подол малицы. Дёрнулся, а отцепиться не могу. Посмотрел, – а это какое-то незнакомое дерево своими колючками держит. Хотел рукой отцепить колючки, а они в тело впились.

Откуда такое дерево в наших лесах взялось?

Думал, думал и догадался: это дятел мой зуб выронил, вот он и пророс.

Я быстро достал нож и срубил с того дерева все колючки, сложил в берестяной короб, притащил в избушку и бросил под лавку. Вскороности на охоту ушёл. Сколько дён охотился – не припомню, а про колючки забыл.

Возвращаюсь домой, подхожу к избушке и слышу крики. Заторопился. Вижу на пороге соседей – Стёпку Лявдина и Гришку Самбиндалова, да ещё медведицу, лисицу, зайчиху. Над дверями тетёрка крыльями машет, глухарь клювом щёлкает...

Оказалось, все, кто заходил в мою избушку, обратно выйти не смогли. Крючковые колючки зацепили их, кого за лапы, кого за ухо, а кого за хвост.

Стоило мне показаться из-за стволов деревьев, как колючки отцепились и спрятались в коробе. Все звери и птицы бросились кто куда. Меня чуть с ног не сшибли, только Стёпка Левдин долго ругался погаными словами.

– Экие заколдованные крючья! Сжечь их мало! – кричал он, потирая ухо.

И стал я из каждой колючки наконечники вытаскивать. Хотя у нас костяные наконечники только для боевых луков мастерят. А так мы люди мирные, ни с кем воевать не собираемся, но не выбрасывать же добро.

Наполнил колчан стрелами с наконечниками из дерева моего зуба и пошёл на охоте испытывать.

Выстрелил в стаю пролетевших уток, и – чудо! Все до единой возле моих ног оказались. Я не поверил глазам.

В другой раз в белку выстрелил, а их великое множество, к моим ногам упало. Мне страшно стало: так можно всех зверей и птиц перестрелять. Переломал я те стрелы и на костре сжёг. И дерево с корнем сжёг – от беды подальше.

Один наконечник всё-таки положил в карман, на всякий случай: вдруг пригодится!

Лайка

У меня много охотничьих собак: и на белку, и на соболя, и на птицу, но больше всего я любил белую Лайку-медвежатницу. Она была всегда со мной, как топор за поясом. Никогда не путалась под ногами, но стоило мне только чихнуть, как сразу гавкнет, мол, я тут! Однажды мне показалось, что она какие-то слова сказала. Я долго протирал уши болотным мхом, приготовился послушать ещё, но её и след простыл. Убежала.

Скоро услышал лай и своё имя: Е-ро-фей-ка!

Быстро вскочил я на спину лося и понёсся в тайгу. Вижу, возле большого выскiria валяется медведица с перекушенной шеей, в лапах у неё белые клочья шерсти. Поодаль, за кучей хвороста,

лежит моя белая Лайка с оторванным хвостом и без задних лап. Жалобно визжит. Вокруг неё бегают два маленьких медвежонка. Всё стало понятно: драка была. Потревожила Лайка медведицу в берлоге. Вижу – один медвежонок примостился к животу Лайки и титьку сосёт...

Она, увидев меня, заскулила.

Жалко мне свою собаку... Подбежав к медведице, выдернул из её лапы собачий хвост, в стороне отыскал только одну заднюю лапу, быстро пришил их медвежьими жилами, сложил медвежат в мешок и понёсся на лосе к избушке.

Лайка, хотя и осталась без одной лапы, всё равно бегала со мной на охоту, а за ней бегали медвежата, пока не выросли большими.

Ну прямо систый смех было на них смотреть!!!

Вода из сорока мухоморов

В пауле давно ждали приезда шамана Прокопки, верили, что он сможет исцелить охотника Михея, у которого что-то оторвалось внутри после схватки со стаей волков.

Я, по правде сказать, завидовал шаману, надеялся когда-нибудь разгадать его хитрости.

Прокопка приехал в пауль на сытых оленях, в нарядной малице, сразу велел разжечь посередине пауля костёр и стал доставать из кожаного мешка бубен и колотушку. Я стоял в стороне и заметил, что Прокопка достал из мешка и небольшой тую-

сок. Оглядываясь по сторонам, поставил его возле заднего полоза нарты.

Когда он деловито развешивал оленью шкуру на жердь между двумя лиственницами, я, крадучись, достал этот туесок и приоткрыл крышку. В нос ударил такой запах, что я отлетел на окраину пауля. Догадался – это вода из сорока мухоморов, испив которую Прокопка дуреет и, танцуя, вызывает разных духов. Не растерявшись, я выпил всю воду из сорока мухоморов и начал дуреть. И такая ярость на меня напала, что готов был одним махом перевернуть все нарты в пауле.

Прокопка в это время готовился к ворожбе: натягивал тетиву, чтобы стрела угодила в натянутую шкуру, и на ней появилось кровавое пятно...

Я не оплошал: выхватил из рук Прокопки лук со стрелой и выстрелил в шкуру. Шкура ожила, превратившись в молодую важенку, а у нас с Прокопкой завязалась драка. Мы дрались до самого заката солнца.

То ли Прокопку, то ли он меня перебросил через жердь, на которой когда-то висела оленья шкура. Косы наши оказались переплетёнными, и мы висели на этой жерди, не доставая ногами до земли. Кто-то разрубил топором узел наших связанных кос. Прокопка упал на землю, а я очутился на спине молодой важенки, которая потащила меня, не помню куда.

Это вода из сорока мухоморов на какое-то время отобрала у меня ум.

Ну прямо систый смех, чё было со мной!

Часть 2

Паровоз

Перемены, связанные с призывом в армию по случаю начала Великой Отечественной войны, ввели меня в оторопь. Но я быстро сообразил, что к чему и, как многие, отправился громить германских фашистов.

Там, на войне, бывали со мной разные случаи. Стоит признаться, что при всей моей смекалке, ловкости и хитрости лиха я хватил немало, но, благодаря Торуму, остался жив. От взрывов снарядов, огня и пожарищ, когда, казалось, земля смешивается с небом, из головы вылетели многие приключения. И только по прошествии лет ко мне мало-помалу воротилась память.

Вспомнил, что, увидев первый раз паровоз, я побежал по рельсам, как напуганный олень. Не знаю, сколько времени бежал, но помню, что поднялся сильный ветер. Скорее всего, он прилетел из наших мест и, по-свойски подхватив меня, забросил на крышу одного из вагонов.

Лежу я на крыше, гляжу на небо. Облака плыли, как мне показалось, в нашу сторону. Так хотелось вскочить на облако, но я не смог. Паровоз

бежал, фыркал дымом, рельсы грохотали, и у меня в голове стоял шум.

Вдруг увидел: в небе летят большие чёрные птицы. Я таких отроду не видел – самолётами называются. Вижу: из них чёрные яйца на землю посыпались, бомбами называются. Только успел подумать: как будут в воздухе птенцы выпариваться, а чёрные-то яйца коснулись земли да как бабахнули! Затряслась земля, загорелись деревья и травы.

Я успел вскочить на летевшую к крыше вагона бомбу и закричал: «Поворачивай, дура, обратно!», она и полетела за самолётом, да как даст со всей силы по крылу, оно и переломалось. А я обхватил бомбу руками и опять кричу: «Догоняй другую чёрную птицу!», и начала бомба догонять и сбивать самолёты.

С высоты вижу: паровоз остановился, стоит на рельсах, пыхтит, пары пускает, а сдвинуться с места не может. Я подлетел на бомбе (заряд-то успел выбросить!), прицепился тросом за трубу паровоза и потащил его по рельсам. Тут опять подхватил меня ветер, оттащил в сторону, и очутился я сидящим на дереве. Дерево незнакомое – на нём вместо кедровых шишек красные шарики растут – яблоками называются.

Я их никогда не ел, но голод – не тётка, попробовал. Понравились. Так на том дереве просидел я дней пять в раздумьях, а потом пошёл искать паровоз.

Увидел меня, машинист стал просить сесть вместо него и вести паровоз дальше, к фронту, но я наотрез отказался.

Тынзян¹⁴

Признаюсь: я мало что помню о военных событиях. Их было так много, и таких кровопролитных, что страшно рассказывать маленьким детям. Я умудрился выбросить их из своей головы, но кое-что помню.

Вспоминается мне переправа через реку Днепр, такую же могучую, как наша Обь. В ту пору я служил в разведке. Задание дали: во что бы то не стало достать «языка»! Я, не раздумывая, ударился головой о колесо пушки и тут же превратился в селезня. Плыл днём, нырял, старался попадать под гребни волн и к вечеру доплыл дот вражеской стороны.

А немчуры там было, как комаров на болоте. Всё высмотрел, запомнил, что надо. Вернулся к своим, доложил всё чин по чину. Не забыл сказать, что по берегам растут камыши выше человеческого роста.

Ночью с группой разведчиков переплыли реку, затаились в камышах. Я смекалистый, вспомнил, как арканом ловил в стаде оленей. Недолго думая, достал из кармана нож, нарезал травы и стал пле-

¹⁴ Тынзян – аркан для ловли оленей.

сти из неё верёвку с петлёй на конце. У нас дома её тынзяном зовут.

Как только стемнело, я с товарищами, раздвигая камыши, пополз к передовым позициям противника. Ползу, тащу с собой сплетённый тынзян. Земля мокрая, камыши сырые. Вся одежда промокла, но об этом солдату думать некогда.

Видим – костёр горит, немцы возле него греются, по-своему что-то лопочут, у всех пулемёты в руках – не подойти. Стрельба начнётся – тогда всё дело провалено.

Я присмотрелся к пузатому фашисту, который стоял ближе всех к камышам, размахнулся со всей силы и бросил тынзян. Просвистев в воздухе, он опоясал толстобрюхого фашиста. Тот с перепугу только крикнул, задёргал ногами, а я его к себе подволок, натолкал ему в рот травы и потащил.

Тут и товарищи подоспели. Притащили «языка» в штаб.

Вскорости наши орудия открыли такую стрельбу, что дым пожарищ закрыл всё небо. О заарканенном мною «языке» долго говорили на передовой, искали находчивого солдата, но я человек скромный, об этом некому не рассказывал. Вот первый раз перед вами только обмолвился.

На фронте и не такое бывало!

Стрела из кармана

Как известно, на войне нет времени путешествовать, но я иногда превращался в какое-нибудь животное или птицу и совершал небольшие путешествия, хотя это было небезопасно, к тому же надо было соблюдать воинскую дисциплину.

Однажды, когда мы уже выгнали захватчиков с русской земли, победоносно освобождали страны Европы, я шибко затосковал о родном крае. То ли в Румынии, то ли в Венгрии я услышал в небе гогот гусей и догадался: летят они на мою родину. Не раздумывая, ударился головой о землю, обернулся гусем и прибил к стае. Долго летели, на озёрах отдыхали, кормились, а я всё дивился: как далеко наша северная сторона! И вдруг меня будто молнией ударило: как же я посмел передовую оставить? У меня от страха даже все перья с груди выпали. Как там без меня обойдутся? Ведь скоро надо брать Берлин!

Полетел обратно. А там такие бои! Самолёты бомбят, танки грохочут, пушки, пулемёты строчат безостановочно, крушат всё на своём пути. Я кружу в небе, своих товарищей найти не могу. Пушечный снаряд перебил мне крыло. Я потерял силу, начал снижаться и ударился головой о гусеницу танка, сразу стал Ерофеем Анямовым. Тут и подхватили меня товарищи.

Опомнился, огляделся вокруг, а впереди большой город – дома, похожие на горы. Из окон строчат пулемёты, бьют зенитки, пламя и дым, стоны и крики: «Рейхстаг, рейхстаг!» – слышу со всех сторон голоса. Не знал я, что это главный дом Германии.

А пулемёты с крыш строчат не переставая. Ниоткуда к ним приступа нет. Тут и вспомнил я про костяной наконечник от своей стрелы, сделанный из дерева моего зуба. Засунул руку в карман, нащупал, и не знаю – откуда там очутился мой охотничий лук. А из лука я стреляю без промаха! Прицелился, и пущенная стрела стала валить наповал всех пулемётчиков, засевших на крыше рейхстага. Скоро смолкла стрельба. Все закричали «Ура!», и я тоже. Не мог же я хвалиться, что это была моя стрела, сделанная из моего зуба. Не такой я человек.

Волосая дорога

Не все, наверное, знают, что по вогульскому поверью из волос с головы можно выстроить дорогу хоть к Торуму, хоть в Нижний мир.

– Я на всякий случай сберёг клочок волос, когда дрался с шаманом Прокопкой. Меня ведь, как и всех новобранцев, призванных в армию, обрили наголо. Плакали мои волосы! Но я умудрился взять с собой крохотный пучок, про который давно забыл. Оказалось, что мои волосы пригодились.

Война уже шла к концу. Немецкий рейхстаг полыхал, пламя добиралось до купола, тучи дыма закрыли небо. Все жили ожиданием – увидеть поднятое над рейхстагом Знамя Победы!

Глаза у меня всегда были зоркие. Я первым увидел, как карабкаются с этажа на этаж под градом пуль наши бойцы со знаменем в руках. Нащупав в кармане клочок волос, срезанный ножом возле правого уха, сплёл из них еле заметную волосяную нить и, размахнувшись, набросил её на купол рейхстага, а другой конец попал в руки солдату. Схватившись за мою волосяную дорогу, боец быстро перелез на этаж, а другой конец бросил товарищу. И так по невидимому канату из моих волос рядовые солдаты Егоров и Кантария добрались до купола и водрузили там красное полотнище – Знамя нашей Победы!

Громкоголосое: «Ура-а-а!» содрогнуло воздух, пальба орудий изрешетило небо. Над головами одна выше другой летали солдатские фуражки, пилотки, шапки. Я тоже подбрасывал в небо свою фуражку с красной звездой. Вдруг она очутилась возле моих ног вместе с волосяным канатом. Я сдуру этот волосяной комок, обгорелый и измазанный копотью, чуть было не бросил в огонь, но вовремя спохватился – ведь надо было возвращаться домой.

Красная площадь

Незадача, конечно, вышла: на парад Победы я опоздал. Кажись, много молока выпил, брюхо заболело. Когда оказался в Москве, даже испугался: народищу там как мурашей в муравейнике. Пожалуй, больше, чем деревьев в нашем бескрайнем Елизаровском бору.

Дошёл до красной площади, когда маршал Жуков мимо меня на белом коне проезжал. Я только успел ему честь отдать.

Иду по площади, задумался и вдруг слышу: «Рядовой Ерофей Анямов, подойдите ко мне!» Сами понимаете, удивился. Кто меня в Москве знает?

Иду и вижу: сам Климентий Ефремович Ворошилов возле Кремлёвской стены окучивает. Я глазам своим не поверил, а он мне машет рукой.

Подхожу.

– Чё, солдат, на парад опоздал? – спрашивает. Я боюсь на него взглянуть. Знаете ведь, кто такой Ворошилов. Товарищ Ворошилов – народный комиссар.

Я чётко ответил:

– Так точно!

А он мне:

– Ничё. Парадов ещё много будет. Главное – фашистов разбили. С Победой тебя! Откудова родом?

– Из Сибири, – ответил. – С Югорской земли.

– Ну-у-у-у! – протянул. – Сибиряки – народ храбрый.

Поднял я голову, взглянул, а он стоит весь в орденах и ремнях, как наш колхозный жеребец, и спрашивает: ты картошку окучивать умеешь?

– Запросто! – бойко ответил я и хотел уже взять из его рук тяпку, но он не позволил. Поставил тяпку возле Кремлёвской стены и говорит:

– Пойдём, солдат Анямов, к Сталину чай пить.

Я испугался, слова сказать не мог, только головой кивнул в знак согласия. И повёл меня Ворошилов к самому Сталину чай пить...

Ну тут уж прямо систый смех!

В гостях у Сталина

Всем известно, человек я не трусливый, но, когда согласился с Ворошиловым к Сталину идти чай пить, напала на меня оторопь: коленки подкосились, ноги задрожали, но я виду не подал.

Идём, разговариваем, подошли к кремлёвским воротам. Везде часовые стоят. Ворошилов говорит им:

– Это рядовой Ерофей Анямов, с ним к товарищу Сталину чай пить идём, – а сам меня вперёд себя в кремлёвские ворота толкает... Я в Кремле не бывал, дороги не знаю. Нащупал в кармане волосьяной клубок, бросил впереди себя. Он пополз по ограде, по настилу, по ступенькам. Клубок-то

малёхонький, никто, кроме меня, не замечает. Возле дверей Ворошилов догнал, запыхался, пот с лица вытирает. Постояли немного. Тут Ворошилов нажал какую-то пуговку, звонок послышался, дверь сама распахнулась.

Впереди коридор длинный, по нему дорожка ковровая тянется, по сторонам солдаты стоят, не шелохнутся, как неживые, только глазами моргают. Идём, под ногами половицы скрипят. Тишина. Только слышно, как бабы по машинкам пальцами тычут.

Заходим в большущий кабинет. Стол длинный, и стульев полно сосчитать не успел. Вижу, за столом человек сидит. Я сразу узнал Сталина – столько портретов висит везде! Сидит, трубку курит, дым кольцами пускает.

Ворошилов так запросто говорит ему:

– Вот привёл к тебе рядового Ерофея Анямова – рыбака, охотника из Сибири.

Я отдал честь, смотрю на стол, чайник стоит, а даже куска хлеба нету. С чем чай пить?

Я достал из кармана червонец, подал Ворошилову. Он сразу смекнул чё к чему – побежал за хлебом.

В это время Сталин встал из-за стола, стал прохаживаться по кабинету от стены до стены. Ходит, курит, сапоги блестят, и спрашивает:

– Это из ваших рек привозят мне сосьвинскую селёдку?

Я обрадовался, закивал головой:

— У нас не только в реке Сосьве, но и в Лозьве водится такая серебряная рыбка! Этакая вкуснятина! Царская рыбка!

Он хотел ещё о чём-то спросить меня, но в кабинет, запыхавшись, вошёл Ворошилов. Видно, ему хлеб дали без очереди. Сели, стали пить чай. Горячий чай, смородиновым листом пахнет. Я сижу, молчу и чувствую, Ворошилов меня локтем в бок тычет. Я ничего понять не могу, он приклонился к уху, шепнул:

— Уходить пора. Скоро все генералы к Сталину собираться станут.

Я понятливый, сразу встал из-за стола, распрощался со Сталиным. Он руку мне пожал. Так и расстались. Я дух перевёл, только когда оказался за кремлёвскими воротами. Сам не знаю, отчего меня пот прошиб!

Ну прямо систый смех!

Ордена в коробке

— Потому как я храбро воевал, — моим наградам нету счёта! Все они у меня в коробке в охотничьей избушке лежат, — говорил Ерофей, когда видел у возвращавшихся с войны мужиков полную грудь в орденах.

— Вы же не знаете, какие они тяжёлые! Мне их сам Михаил Иванович надевал, когда я в Кремле был. В тот день простившись с Ворошиловым,

шёл я по коридору, всё думал о встрече со Сталиным. Вдруг проходивший мимо меня небольшой человек с длинной бородкой окликнул меня:

– Рядовой Анямов, приветствую вас!

Я сразу узнал в нём Михаила Ивановича Калинина – Всесоюзного старосту.

– Чё у вас так мало медалей на гимнастёрке? – спрашивает.

Я сразу не нашёлся что ответить, пожал плечами.

– Пройдёмте со мной, – сказал Михаил Иванович. Я пошёл за ним. Подошли к двери, обитой железом, он открыл её, включил свет. И вижу я кабинет длиннющий, а по стенам всё железные шкафы прибиты. Достал он из кармана большую связку ключей и стал открывать шкафы.

Открыл один шкаф, а там коробки с орденами Красной звезды. Он достал коробку, вынул орден и – бац! Мне прямо на гимнастёрку, и дальше пошёл. Я за ним. Открыл другой шкаф – там орден Суворова. Бац – мене на грудь! И молчком открыл другой. А там медаль «За отвагу!» И её нацепил мене на гимнастёрку. Столько навесил наград, что я еле на ногах стоял.

Посмотрел на меня и говорит:

– Это тебе за героизм!

И пошёл по своим делам. Вот все мои ордена и медали лежат у меня в избушке, в берестяной коробке.

Однажды увидел возле избушки. Сидит она на ветке, а в клюве у неё что-то блеснуло. Пригляделся, а это медаль «За храбрость!» Вытащила воровка из коробки и летает.

Я как заорал: «Отдай, воровка, главную солдатскую награду!» А она поднялась на крыло и полетела. Я – за ней, думаю: обронит куда-нибудь в болото или озеро. Разве найдёшь? Стрелять в воровку хотел, да жалко её. Сороки в наших местах редкие гости. Кричу ей: «Клади медаль на кочку, или пристрелю!» Она, видать, поняла: залетела в сосновый бор, бросила медаль возле пенька, а сама потерялась из виду.

Взял ту медаль и опять положил в коробку.

Встреча с быком

После встречи с Михаилом Ивановичем Калининским от тяжести орденов и медалей я шёл, еле передвигая ноги. Немного подумав, решил сократить дорогу и оказался на широком лугу. Увидел вдали коровье стадо, обрадовался. Давно вблизи коров не видел. Иду, медали на гимнастёрке, ударяясь друг о дружку, звенят. На небе ни облачка, в траве кузнечики стрекочут, тишина. И вижу – от стада отделился бык, бежит в мою сторону. Бык здоровенный, рога вразлёт, ноздри раздулись, глаза кровью налиты.

Ну, думаю: конец тебе пришёл, Ерофей Анямов! На фронте от пуль спасся, а тут придётся по-

гибнуть на бычьих рогах! Силища-то у него неимоверная!

Испугался я. И надо же! В это время в голову не приходит ни одной путной мысли. Всем ведь известно: ударься я башкой о землю – и тут же превратился бы хоть в птицу, хоть в зверька, а я остолбенел.

А бык подбежал, захрапел, копытами стал землю грести, да вдруг как грохнется передо мной на колени, мычит и говорит человеческим голосом: «Поклон тебе, герой Ерофей Анямов! Столько наград ни у кого нету».

Я собственным ушам не поверил, да как пустился бежать через всё поле – только пятки сверкали. Лишь когда через городьбу перепрыгнул да ударился головой о ствол берёзы, вроде память вернулась. Оглянулся назад, а бык всё ещё стоит на коленях и мычит. И тут я вздохнул с облегчением.

Баба из Перлина

По своей волосяной дороге я мчался домой, обгоняя птиц. Останавливался только на пристанях, куда к берегам причаливали пароходы. Там всегда много народу.

Ясное дело – передо мной все расступались, увидев на гимнастёрке ордена и медали. Я только и слышал: «Вот те парень! Вот те жених!» И смотрели на меня такими ласковыми глазами, что сердце от радости замирало.

«А не жениться ли!» – мелькнула мысль. Стал я присматриваться. Девушки все красивые, не то что там, в чужой стороне. А я, если честно признаться, не умел с ними разговаривать. Сами знаете, всё время в походах, да с приключениями! А там смекалка да ловкость нужны. Голова делами забита – не до женитьбы было. Рассказал я про свою робость перед девушками старому рыбаку – Фильке Першину. Он захохотал и говорит: «А чё с ними разговаривать? Посади любую, какая приглянется, в облас и плыви с ней домой».

– Отца-мать надо спросить! – сказал я.

– Да ты чё? В деревнях-то мужиков нету. Кто на войне сгинул, кто искалечен, а ты бравый такой! За тебя каждая пойдёт, ты только свистни.

Я и осмелел. Высмотрел, какая покрасивше. Ею оказалась, на мой взгляд, Дарья Курикова – охотница из дальнего пауля. Я, долго не разговаривая, посадил её в облас и оттолкнулся веслом от берега. Она не противилась, а мать только рукой помахала.

В соседнем пауле меня как героя встречали, а в мой родной пауль манью позвонили: мол, встречайте героя войны Ерофея Анямова! Не один, а с бабой в обласе приплывёт.

А мы задержались. Пока с Дарьей гуляли да игрища возле священного дерева справляли, – снег повалил, и зима пришла! Я не стал просить коня у сородичей, знал – они за войну и так обнищали.

А пока моя Дарья спала, я по волосяной дороге сбегал за Камень и примчался от русских на вороном коне. Увидев его, все только ахнули.

Запрягли нам коня в сани – розвальни. Возле пауля я пришпорил коня, и с разбегу мы с Дарьей очутились на середине своего пауля. Я, не будь дураком, кричу во всё горло: «Бабу ис Перлина привёс! Ис Перлина!» А они понять ничего не могут, откуда им знать, что главный город в Германии – Перлин! Все ахали, признавали Дарью за свою, но стали звать её бабой ис Перлина. Хотя шушукались, что совсем деревенская.

Мне стало обидно, что она ничем не отличается от деревенских баб. Пришлось мне по волосяной дороге побывать в Перлине, привести оттуда разной пахучей воды, губной помады да пудры и купить шляпу с пером. Только Дарья всё это в огонь бросила.

Я немного поругал её, но скоро мы помирились и уплыли на обласе в мою избушку.

И теперь там живём да гостей зовём. Может, приедете? Места всем хватит.

Резиновое горло

Однажды, облетая на спине селезня Манинское озеро, я увидел Савку Самбиндалова, который рубил топором чью-то закладку.

– Ты чё делаешь? – закричал я с высоты. А он будто не слышит.

Все знали, савка ленивый и злой, как голодный тундровый волк, потому что потерял своих оленей: то ли они разбродились по болотам, то ли волки в холодную зиму их съели. А без оленя – человек сирота!

«Меньше бы на шкурах валялся да не пил «огненную» воду!» – говорили ему старики, но он никого не слушал, а тем, кто говорил ему такие слова, разные пакости делал: кому лодку топором перерубит, у кого сети порвёт или чум сожжёт. Плохим человеком был Савка.

Я ссориться не люблю. Соскочив со спины селзня, хотел отобрать у него топор, но он размахнулся и отрубил мне руку.

– Ты чё, сдурел? – закричал я. – Как жить без руки?

Раздумывать было некогда. Я быстро поднял с земли руку, приложил к локтю, обмазал сосновой смолой, обмотал берёзовой корой, и она прилипла к своему месту.

Увидев это, Савка закричал:

– Шайтан! Шайтан! Ты и на войне-то не был! У тебя ни одной царапинки нет, – старался он разозлить меня.

Тут меня обида взяла. К тому времени у меня уже длинные волосы отросли (Дарья ещё не успела заплести мне косы) и закрывали на шее шрамы от чирьев, которые мучили меня всю зиму.

— А ты знаешь, что горло-то у меня резиновое? — закричал я Савке и стал показывать ему шрамы на шее. — Видишь, какая дыра была! — И, с силой выдернув своё горло, стал хлестать им Савку, приговаривая: «У меня горла-то давно нету. Резина там одна!»

Савка обомлел, хотел схватиться за моё горло.

Ладно, селезень далеко не улетел, зацепил лапами Савку за волосы, приподнял и начал таскать по озеру. Только к вечеру вытащил из воды.

С испугу Савка побежал в пауль и стал кричать: «У Ерофея-то Анямова горло резиновое! Сам видел, горло резиновое! А вы и не знали!»

Тёмная ночь

Уже дули холодные ветры, мороз оголил деревья, повалил травы, а снега всё не было.

Я тоже был в ожидании снега, но скоро моё терпение лопнуло. И я, отбросив щепетильность, закричал Торуму: «Спускай цепь! Всем на охоту пора!»

Долго ждать не пришлось. Золотая цепь стала спускаться с неба, загремела, засверкала на солнце. Я быстро схватился за неё и стал подниматься до первых облаков. Достал из кармана нож и стал разрезать облака вдоль и поперёк. На землю хлопьями повалил снег. С высоты мне видно было, как радовались сородичи. Я тоже заторопился на землю.

Цепь спустилась медленно. Видно было по всему, что Торум не хотел расставаться со мной.

Когда я стал приближаться к земле, то увидел большие костры, разожжённые посреди пауля, и понял: люди собрались справить праздник по случаю начала охоты. Бабы нарядились в новые малицы, расшитые узорами, в цветастые платки с большими каймами. Ребятишки бегали вокруг пригнанных с пастбищ оленей, барахтались в снегу с весёлыми собаками. Тихо перебирал струны санквольтапа слепой старик Нёрин, а его жена Нёриха тоненьким голосом тянула какой-то тоскливый напев.

Никто не знал, что я обладаю необыкновенно красивым и звонким голосом. И запел я песню «Тёмная ночь».

Все присмирели, стоило мне только издать первый звук.

– В тёмную ночь, – запел я, – только пули свистят, один пуля попал в провода, а другая всю ночь до утра за солдатом гонялся...

От моего пения заскулили собаки, замычали олени, и даже заржал конь, которого купили для жертвоприношения. А бабы утирались слезами, вспоминая не вернувшихся с войны сородичей, и просили, чтобы я ещё раз пропел им песню про тёмную ночь.

Содержание

Шесталов Юван Николаевич

Не шумите, не пляшите!.....	3
Старый пёс	4
Медвежье слово о журавле	5
Сказка в синий полдень.....	13

Тарханов Андрей Семёнович

Монолог охотника	34
Христианин я и язычник	35
Встречное пламя	35
О сиротах	37

Динисламова Светлана Селивёрстовна

Мамы нет уже немало лет... ..	39
Полина.....	40

Анисимкова Маргарита Кузьминична

Невероятные приключения Ерофея Анямова ...	49
--	----

Учебное издание

МАНСИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия

для учащихся 7 класса
общеобразовательных учреждений

Часть 1

Оригинал-макет подготовлен ООО «Югорский формат»

Подписано в печать 09.12.2015.
Формат 60х84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 5,63. Тираж 200 экз. Заказ № 39.

Отпечатано в
ООО «Югорский формат»
г. Ханты-Мансийск, ул. Лопарева, 15, подъезд № 8
+7 (3467) 912-019, +7 952 690 99 39
Uformat@mail.ru